

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/278-292

© М.М. Герасимова

К ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Статья написана на основе предложенного, но не состоявшегося по ряду причин доклада на заседании 9-ой секции «Историографические традиции российской этнологии ...» XIV КАЭР в июле 2021 г. В отличие от опубликованных тезисов, в статье рассматриваются и сравниваются взгляды на историю антропологического изучения народов России не трех, а четырех крупных отечественных антропологов, современницей которых мне посчастливилось быть: своего первого Учителя – Георгия Францевича Дебеца (1905–1969), своего второго Учителя – Виктора Валериановича Бунака (1891–1979) и двух коллег – Валерия Павловича Алексеева (1929–1991) и Александра Александровича Зубова (1934–2013). Источниками послужили стенограммы двух лекций из прочитанных Г.Ф. Дебецем в 1954 г. на 5-ом курсе кафедры антропологии МГУ (см. Герасимова 2020), статья В.В. Бунака (Бунак 1972) в сборнике «Антропология 70-х» и две статьи – В.П. Алексеева (Алексеев 1987) и А.А. Зубова (Зубов 2002).

Ключевые слова: антропология, расоведение и этническая антропология, Г.Ф. Дебец, В. В. Бунак, В.П. Алексеев, А.А. Зубов

Ссылка при цитировании: Герасимова М.М. К истории антропологического изучения народов России // Вестник антропологии, 2022. № 1. С.278–292.

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-1/278-292

© М.М. Gerasimova

TO THE HISTORY OF THE ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE PEOPLES OF RUSSIA

The present article is based on the report, which was planned to be presented at the session «The Historiographic Traditions of Russian Ethnology ...» of the XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia in July 2021. Unlike the published abstract, the article examines and compares the views on the history of anthropological studies on the peoples of Russia of four instead of three major Soviet-Russian anthropologists, whose contemporary I was lucky to be. These are my first Teacher – Georgy Frantsevich Debets (1905-1969), my second Teacher – Viktor Valerianovich Bunak (1891-1979), and two colleagues – Valery Pavlovich Alekseev (1929 -1991) and Alexander Alexandrovich Zubov (1934-2013). The

Герасимова Маргарита Михайловна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

present article is based on the following sources: the transcripts of two lectures read by G.F. Debets in 1954 at the department of anthropology of the Moscow State University for the 5th year students (see Gerasimova 2020), the article by V.V. Bunak (Bunak, 1972) in the «Anthropology of the 70-s» collection and articles by V.P. Alekseev (Alekseev 1987) and A.A. Zubov (Zubov 2002).

Keywords: *Anthropology, Anthropological types, G.F. Debets, V.V. Bunak, V.P. Alekseev, A.A. Zubov*

For Citation: Gerasimova M.M. 2022. To the History of the Anthropological Study of the Peoples of Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 278–292.

Author Info: Gerasimova Margarita M. – PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com.

Введение

Причиной, вызвавшей мое желание выступить с антропологическим докладом на секции, посвященной истории российской этнологии, было стремление хоть в малой степени заполнить ту брешь, которая на протяжении последнего десятилетия ушедшего века и двух нынешнего все ширится и ширится между классической антропологией (биологической или физической) и различными многочисленными антропологиями, типа «антропология искусства», «визуальная антропология» и т.д., которые представляют блок этнологических дисциплин, предметные области которых не очень ясны (см. об этом подробнее Дубова 2012: 294–298). Когда-то контакты антропологов и этнографов различных секторов Института этнографии АН СССР были очень тесными, осуществлялись совместные антрополого-этнографические экспедиции для изучения отдельных народов нашей страны, маршруты антропологических экспедиций или выездов выбирались при консультации этнографов. В настоящее время Отделы и Центры нашего института мало контактируют с физическими антропологами, в замечательной многотомной серии «Народы и культуры», выпускаемой ИЭА РАН, антропологам выделяется неизмеримо малое число страниц. Весьма возможно, что это отчуждение происходит в связи с существенными изменениями тематики нынешнего ИЭА в связи с расширением и дифференциацией предмета антропологических исследований гуманитарного плана.

Мне захотелось напомнить, что изучение антропологического разнообразия населения России было первостепенной задачей, поставленной перед антропологами в 1943 г, в разгар Великой Отечественной войны, когда в Институте этнографии АН СССР по инициативе С.П. Толстого был организован сектор антропологии. Второй не менее важной задачей сотрудников сектора антропологии была весьма актуальная в то время борьба с расистской идеологией (следует вспомнить, несмотря на ужасы нацизма Третьего Рейха, запрет на браки между представителями разных рас, как часть сегрегации, существовал в США вплоть до 1967 г).

Изучение происхождения и этнической истории отдельных народов нашей страны имеет не только научный интерес. Как мы помним, с 90-ых годов прошлого века и по настоящее время в связи со значительными изменениями этно-социальной ситуации в нашей стране наблюдаются попытки использования этнического самосознания

в интересах различного рода групповых или индивидуальных спекуляций. И, хотя в настоящий момент «антропологический покров» нашей страны (по образному выражению В.П. Алексеева) изучен достаточно хорошо, масса конкретных вопросов по локальным этногенезам, как древних, так и современных народов требует своего решения. Об этой настоятельной необходимости писали пятнадцать лет тому назад известные крупные кавказоведы-археологи М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. Авторы этой монографии отмечали существенную роль, которую в наше время стали играть археология и древняя история в политическом экстремизме и национализме. Значительный рост национального самосознания, нашедший выражение в интересе к прошлому своего народа, этнической культуре и происхождению, вызывает подчас уродливые этногенетические концепции, порождающие национализм и сепаратизм (Гаджиев и др. 2006). В еще большей степени это относится к генетике, когда результаты изучения и классических и ДНК маркеров интерпретируются субъективно, подчас безграмотно и в угоду националистическим реконструкциям (см. об этом подробнее в сборниках «Проблема расы в российской физической антропологии», 2002 и «Критика расизма в современной России...» 2008). В связи с этим особенно важно корректное использование методологических установок антропологической науки о соотношении биологического и социального в истории человеческих популяций. И здесь следует отметить ведущую роль физической антропологии в корректном освещении этнической истории и происхождения народа. Между тем ситуация с этногенетическими исследованиями последних двадцати лет меняется не в лучшую сторону. Исследования по этнической антропологии современного населения практически прекращены. История расоведения и этнической антропологии, как части его, в мировом и отечественном антропологических сообществах требует особого отдельного рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи. Я коснусь ее лишь в связи с вопросами и положениями, затронутыми в анализируемых публикациях.

Материалы

Итак, мной были рассмотрены следующие источники:

1. Стенограммы двух лекций «Антропология народов СССР», из прочитанных Г.Ф. Дебецем в 1954 г. на 5-ом курсе кафедры антропологи МГУ (см. Герасимова 2020).
2. Статья В.В. Бунака «О перспективах развития антропологии как особой науки» (Бунак 1972).
3. Статья В.П. Алексеева «Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований» (Алексеев 1987).
4. Статья А.А. Зубова «Физическая антропология на рубеже XX–XXI вв.» (Зубов 2002).

Выбранные мной материалы с разной степенью подробностей в целом описывают приблизительно вековой период развития нашей науки, которая еще сравнительно недавно традиционно в России носила название антропология, без всяких дополнительных определений типа «физическая» или «биологическая», и входила в круг биологических наук (Бунак 1972:10; Зубов 2002:25). В рассмотренных работах дается в той или иной мере периодизация истории этнической антропологии в России, состояние науки на период публикации и перспективы развития физической антропологии в нашей

стране и за рубежом. Анализируемые материалы разделены один от другого приблизительно полутора десятков лет: 1954, 1972, 1987, 2002 гг. Каждый из них отражает в известной мере время, приоритеты научной деятельности автора, его личностные черты. В своем сравнительном обзоре из всех направлений отечественной антропологии я попытаюсь проанализировать взгляды авторов на этническую антропологию, которая наиболее соответствовала направленности научной деятельности Института этнографии, сотрудниками которого и были все авторы анализируемых работ.

Подробное описание лекций Г.Ф. Дебеца дано в моей статье (Герасимова 2020). Первая лекция была прочитана 6 сентября 1954 г., ее стенограмма содержит 40 страниц. Последняя, 20-ая лекция была прочитана в конце декабря того же года. Стенограммы лекций насчитывают в основном 30-40 страниц. Две первые лекции были посвящены истории изучения народов нашей страны, в них была предложена периодизация этой истории, начиная с работ А.П. Богданова, которого Г.Ф. Дебец считал основателем научного подхода к антропологическому материалу, как историческому источнику, до начала 1950-х гг. Лекции с 3-ей по 5-ю касались методики изучения современного и ископаемого населения, то есть расовой соматологии и краниологии. В 6-ой лекции излагались принципы и различные существующие классификации современных человеческих рас. Пять лекций (с 7-ой по 11-ю) были отведены обзору палеоантропологии населения страны, начиная с эпохи палеолита и до средневековья включительно, то есть до времени появления и развития исторических народов. Последующие девять лекций освещали антропологию народов, обитающих в отдельных географических областях, – на Крайнем Севере, в Приамурье и Приморье, Западной Сибири, Алтае-Саянах, Казахстане и Средней Азии, на Русской равнине (включая Поволжье, Прикамье), в Прибалтике, Восточной Европе в целом (славянские племена). Г.Ф. Дебец подчеркивал, что читаемый им курс – это не история русской антропологии, а история изучения народов России (СССР), поэтому он не будет касаться, например, работ Н.Н. Миклухо-Маклая, революционных демократов и других общественных деятелей, в гораздо большей степени сыгравших свою роль в развитии русской науки вообще, чем в конкретных антропологических исследованиях народов нашей страны.

Статья В.В. Бунака «О перспективах развития антропологии как особой науки» (Бунак 1972) опубликована в сборнике «Антропология 70-ых», который содержит материалы симпозиума, состоявшегося в апреле 1972 г. в Москве, в Институте и Музее антропологии МГУ. В указанном сборнике собраны статьи ведущих антропологов того времени, а открывает его статья В.В. Бунака. В статье несколько подзаголовков: «Учреждения, в которых проводятся антропологические исследования; Разделы современной антропологии; Генетическое направление в антропологии; Связь между разделами как основа самостоятельности антропологической науки; Общественные цели». И сам сборник, и статья В.В. Бунака были вызваны серьезными переменами в методологии мировой антропологии.

В.В. Бунак, прежде всего, обращает внимание на перемены в институциональном устройстве мировой науки и их последствиях, наступивших после окончания Второй мировой войны не только в нашей стране, но, главным образом, за рубежом. Среди серии кабинетов и лабораторий, возникших во всех развитых странах при многих учреждениях медицинских и исторических ведомств, решающих главным образом, прикладные задачи, в СССР в то время действуют кафедра и НИИ антропо-

логии МГУ, кафедра этнографии и антропологии ЛГУ, Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и Отдел антропологии в НИИ этнографии АН СССР в Москве. Именно перед ними стояла задача обобщения разнородных данных и исследования важнейших очередных теоретических антропологических вопросов. Однако в понимании важнейших и очередных антропологических задач возникли разногласия не только по ним, но по вопросам содержания, методах и задачах биологии человека. Противостояние это началось гораздо раньше 70-ых: дискуссии конца 50-ых и начала 60-ых годов прошлого века в зарубежной англоязычной, главным образом, литературе по вопросу о содержании, методах и задачах биологии человека, как особой науке и предмете преподавания, поколебала представление о связях между разделами антропологии (антропогенез, морфология, расоведение), и породила сомнение в понятие об антропологии, как особой науки. Существенно, что именно тогда было высказано распространившееся мнение о расоведении, как о специальности, утратившей научное значение и о неприемлемости самого термина «раса», превращенного фашистами в антинаучный лозунг. Взамен термина – пишет В.В. Бунак – не было предложено никакого другого и тем самым раздел о дифференциации физических разновидностей оказался исключенным из учения об эволюции человека (Бунак 1972:6). Именно этому прискорбному факту в основном и посвящена данная работа В.В. Бунака, анализирующая его причины и пути преодоления.

Статья В.П. Алексеева «Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследования» (Алексеев 1987) была опубликована в журнале «Советская этнография» к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, что определило в известной мере ее характер. В.П. Алексеев основное внимание в статье уделяет из всех направлений антропологии именно исследованию антропологических особенностей различных народов нашей страны, которые тесно увязывались с изучением происхождения народов – «проблемой, имеющей не только академический интерес, но всегда волновавший людей любых стран и эпох» (Алексеев 1987:17). Этот интерес безусловно был подогрет уникальностью территории России (бывший СССР), отличающейся многогранностью расового состава и многочисленностью этнических групп, многообразием ландшафтно-экологических ниш, контрастностью хозяйственно-культурных укладов жизни. Содержащая исчерпывающий на тот момент библиографический справочный материал, статья представляет собой источник сведений о значительном размахе антропологических исследований народов Советского Союза. Уделено внимание в ней не только монографическим работам, но и многочисленным статьям, посвященным отдельным территориям и охвату локальных антропологических вариантов территориальных групп. К сожалению, статья не содержит анализа тех теоретических разработок, которые ставились и решались нашей наукой в довоенное и послевоенное время. Однако, в ней ставится и разрабатывается грандиозный проект создания исчерпывающей мировой сводки данных по современным и древним народам мира под единым углом зрения, где, как первый и необходимый шаг к обобщению должна стать «Антропология народов СССР», к созданию которой есть все основания. Причем во всех томах теоретические принципы отечественной (советской) школы должны быть аргументированы всей совокупностью конкретных данных. К огромному сожалению, этому грандиозному проекту не дано было совершиться из-за безвременной кончины его автора, последующей через четыре года, и сложнейшей экономической и политической ситуации «лихих 90-ых».

Статья А.А. Зубова рассматривает историю отечественной антропологии на фоне вековой мировой антропологии, где им выделяются очень крупные периоды в истории науки: середина и конец XIX века, начало и первая половина XX века, вторая половина XX века. Особенное внимание уделено судьбе одного из трех важнейших направлений антропологии-теории антропогенеза – «... идея генетической связи между человеком и обезьяной с трудом пробивала себе дорогу» (Зубов, 2002:27). Судьбе другого из трех важнейших направлений антропологии, а именно расоведению и этнической антропологии, в мировой науке в статье уделено очень мало места. Естественно, что и истории изучения антропологических особенностей народов нашей страны посвящено буквально несколько строк: не были обойдены вниманием работы К. Бэра и А.П. Богданова, занимавшихся, в том числе, на краниологическом материале проблемой происхождения русского народа. Отмечается деятельность Д.Н. Анучина, как классика антропологии, в работах которого А.А. Зубов видел те «сущностные особенности антропологии, которые позволили позже охарактеризовать ее как науку о биологическом разнообразии человечества в эволюционном аспекте» (Зубов 2002:28). Причем А.А. Зубов подчеркивает, выделяя даже шрифтом, «активную позицию российской антропологической школы, направленную против любых проявлений расизма» (Зубов 2002:28). Уделяя в статье значительное внимание проблемам эволюционной антропологии, он кратко отмечает, что первая половина XX века наряду с краниологическими исследованиями в области этнической антропологии характеризуется первыми попытками исследований в области дерматоглифики, одонтологии, что соматологические исследования живого населения набирают силы в тесной связи с проблемами здравоохранения. Для второй половины XX века самое главное, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия, полагает автор, широкое и последовательное внедрение в практику исследования живого населения методов популяционной генетики. Исследования генетико-биохимического полиморфизма человеческих популяций, а затем и маркеров ДНК стали с точки зрения «новой антропологии» новым эффективным средством изучения и интерпретации биологического разнообразия человечества. Наряду с этими методами в практику отечественных исследований широко вошли одонтология и дерматоглифика, новый раздел одонтологии-одонтоглифика, созданный трудами отечественных ученых. Отмечая характерное для конца XX века явление резкого повышения генетических исследований, А.А. Зубов констатирует значительное сокращение измерений и описаний лица живых индивидуумов не только в зарубежной науке, но и в отечественной. Отрицательное отношение к антропометрии (кефалометрии и кефалоскопии), как методам, используемым нацистами, гипертрофированное представление о рамках политкорректности, ведущее к отрицанию понятия «раса», как ни странно, пишет А.А. Зубов, не мешает в работах зарубежных авторов, посвященных этногенезу, использовать генетические, краниологические, одонтологические и дерматологические данные, нисколько не смущаясь «нарушениями прав личности». Подводя итоги, XX век, считает А.А. Зубов, ознаменовался триумфом антропологии, а среди ее многих достижений главное то, что она поставила на твердую научную основу идею полного биологического равенства и генетического единства человеческих рас, закрыв в науку дорогу идеологам расизма.

Обсуждение и выводы

Материалы, рассмотренные в статье, представляют ценный источник как для истории физической антропологии в целом, так и для понимания научных воззрений значимых фигур российской (советской) антропологии 20 века. Я взяла на себя смелость рассмотреть и обсудить приведенные материалы именно потому, что, пожалуй, я одна из немногих оставшихся современниц этих исследователей, из тех, кто близко знал всех четверых. Как я писала в своей статье, посвященной анализу лекций Г.Ф. Дебеца, довольно трудно анализировать лекции своего Учителя, человека, под влиянием которого формировалось твое изначальное научное мировоззрение, особенно учитывая определенные изменения и в теории, и практике антропологических исследований, происшедшие за этот огромный промежуток времени (*Герасимова* 2020). Задача моя в данной статье несколько не упростилась, поскольку огромную формирующую роль в моем становлении, как исследователя в уже достаточно зрелом возрасте, сыграл В.В. Бунак, с которым мне выпало счастье сотрудничества в последние годы его жизни, причем в некоторых теоретических воззрениях Г.Ф. Дебца и В.В. Бунака были антиподами (подробнее об этом см.: *Дубова* 2004: 275-276). В.П. Алексеев и А.А. Зубов были моими коллегами, с которыми меня связывали дружеские отношения. Оба они были люди неординарные, с огромным творческим потенциалом, внесшими огромный и теоретический, и фактологический вклад в антропологию. Но отличались темпераментом, характерами и кругом преимущественных интересов. В.П. Алексеев, в ряду своих исследований сделал чрезвычайно много именно для этнической антропологии, внес существенный вклад в теорию этногенеза, разработав типологию модусов этногенеза и расогенеза, выдвинув идею популяции, как элементарной единицы расо- и этногенетических процессов, и идею «антропогеоценозов» (*Алексеев* 1975, 1979). А.А. Зубов, основатель отечественной школы одонтологии и одонтоглифики, фактически основавший в нашей стране этническую одонтологию и разработавший одонтологическую классификацию, чрезвычайно много сделавший для изучения одонтологической и одонтоглифической картины населения России и сопредельных территорий, в глубине души предпочтение отдавал проблемам происхождения Человечества и Человека разумного, в частности, т.е. эволюционной антропологии (*Зубов* 2004, 2019). Все анализируемые источники написаны в разных стилях (лекции, программная статья и две обзорные статьи), по-разному освещают пройденный антропологией путь, исходя, естественно, из авторских научных пристрастий и приоритетов.

В лекциях Г.Ф. Дебеца оценивается деятельность таких крупномасштабных фигур, как К.М. Бэр, А.П. Богданов, Д.Н. Анучин, Ф.К. Волков, А.А. Ивановский, Е.М. Чепурковский, А.И. Ярхо, и ряда скромных служителей науки. За кратким изложением выпукло вставали судьбы идей и людей. Неожиданно много уделено Г.Ф. Дебцом личности А.А. Ивановского (1866-1934). В лекциях Г.Ф. Дебеца, хотя уже был 1954 г., совершенно не нашли отражения, или даже упоминания, ни события, связанные с сессией ВАСХНИЛ в 1948 г. и разгром генетики, ни Павловская сессия 1950 г., окончившаяся разгромом отечественной физиологии, ни окончательный сход марксизма с исторической сцены в связи с появлением брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в том же 1950 г. Работая в период тяжелого политического диктата, на примере деятельности Ивановского и его идей начала прошлого века, Г.Ф. Дебца показал нам, студентам, пагубность для науки любого

диктата. Ученик Д.Н. Анучина, Ивановский вошел в науку своей брошюрой 1893 г., содержащей беспощадную критику работы Н.Ю. Зографа, посвященной антропологическому составу великоросского населения Владимирской, Костромской и Ярославской губерниям. Работа эта, ставящая ряд общих антропологических и исторических вопросов, вызвала большой научный и общественный интерес. К сожалению, она содержала значительное число арифметических ошибок, устранение которых, впрочем, сделало бы выводы еще убедительнее, полагал Г.Ф. Дебец. Результатом же появления брошюры А.А. Ивановского стало то, в течение десятков лет антропологические данные перестали привлекаться смежными науками, археологией и этнографией, для решения вопросов происхождения русского народа, да и вообще для постановки каких-либо теоретических вопросов. Все внимание стало уделяться точности цифр, А.А. Ивановский занял главенствующее положение в антропологических исследованиях народов России, был назначен редактором «Русского антропологического журнала» и на много лет определил его направленность. Стремление только к точности подсчетов (которое естественно и необходимо) и отсутствие идей и постановки каких-либо теоретических вопросов привели к манипулированию цифрами при написании А.А. Ивановским двух его больших сводок «Об антропологическом составе населения России» 1904 г. и «Население Земного шара. Опыт антропологической классификации» 1911 г., результаты которых вызвали резкую критику современников, а Г.Ф. Дебецу представлялись нелепыми. Не буду излагать содержание этих двух вступительных лекций Г.Ф. Дебеца, поскольку взгляды его на историю антропологического изучения народов нашей страны подробно изложены в моей недавней и доступной публикации (Герасимова 2020).

В.П. Алексеев изложение истории изучения этнической антропологии в России практически начинает с работ А.А. Ивановского, как создателя первой сводки данных по антропологии народов России, затем очень кратко говорит о сводке 1913 г. антропологических данных по европейской части России Е.М. Чепурковского, охватившей все этнографические группы русского народа, отмечает роль сводки палеоантропологических данных Г.Ф. Дебеца (Дебец 1948), сыгравшей огромную роль в последующем развитии не только палеоантропологических, но и антропологических исследований живого населения в нашей стране. Интересно, что В.П. Алексеев, будучи учеником Дебеца, совершенно иначе расценивал роль А.А. Ивановского в истории науки, нежели учитель. Разнице во взглядах этих крупных фигур, весьма показательна. В отличие от Г.Ф. Дебеца В.П. Алексеев считал, что работа Ивановского 1904 г. остается первой в отечественной науке сводкой и попыткой интерпретации антропологических данных по народам России, «выпукло показавшей объем и разнообразие собранной информации», поскольку содержала более 900 ссылок. А последствием ее было то, что она надолго предопределили негативный подход в русской, а частично и советской антропологии к формализованным методам анализа антропологического материала (Алексеев 1987:17). Положительная оценка работы А.А. Ивановского, я предполагаю, вызвана тем, что В.П. Алексеев жил в эпоху уже огромного информационного бума, осмыслить весь багаж накопленных данных по этнической антропологии одному человеку не представлялось возможным, тем более выявить закономерность, общность и особенности процессов этно- и расогенеза на разных территориях. В.П. Алексеев был апологетом сводок, вспомним его прекрасные сводки по народам Восточной Европы (Алексеев 1969), по народам Кавказа

(Алексеев 1974) и совместную с И.И. Гохманом – по народам азиатской части СССР (Алексеев, Гохман 1984). Недаром в его статье дается программный план грандиозной мировой сводки по этнической антропологии на конец 20 столетия. Мне кажется, что точка зрения Г.Ф. Дебеца на последствия появления пресловутой брошюры Ивановского более объективна, чем точка зрения В.П. Алексеева, поскольку уже в работах Е.М. Чепурковского мы видим введение в русскую антропологию биометрических методов школы Пирсона, именно в его работах разработан принцип соответствия внутригрупповых и межгрупповых корреляций для выяснения таксономической ценности диагностического признака. С 1922 г. получает «права гражданства» в «Русском антропологическом журнале» биометрия и статистическая обработка данных. Правда без существенного влияния на выводы, по словам Г.Ф. Дебеца. Совершенно не упоминается В.П. Алексеевым яркая фигура А.И. Ярхо (1903-1935), который ставил в своих работах принципиальные вопросы расового анализа, в частности выступал против концепции обязательного соответствия расовых и языковых делений. Поэтому не пренебрежение к формализованному анализу, а отсутствие идей и трудно интерпретируемые выводы из работ Ивановского или отсутствие таковых, сформировали негативное отношение к антропологическим данным, как историческому источнику. Статья В.В. Бунака «Раса, как историческое понятие» (Бунак 1938) и «Палеоантропология» Дебеца (Дебец 1948) сыграли свою роль в том, что антропологические данные вновь со времен А.П. Богданова стали рассматриваться, как самостоятельный независимый исторический источник.

Вторым существенным отличием во взглядах Учителя и ученика была оценка достижений и перспектив развития этнической антропологии. Почему-то весьма кратко Г.Ф. Дебецем освещается период, связанный с образованием в системе Академии наук СССР в НИИ этнографии специального подразделения, т.е. сектора антропологии (потом Отдела, а ныне Центра физической антропологии), занимающегося, главным образом, теми проблемами, которым и был посвящен курс его лекций. В.П. Алексеев, напротив, с большим энтузиазмом резюмировал успешность работы сектора антропологии. За 11 лет существования сектора антропологии в Институте этнографии (с 1943 по 1954 гг., год прочтения рассматриваемого цикла лекций), был предпринят ряд интересных и плодотворных экспедиций. Это многолетняя одиссея самого Г.Ф. Дебеца на Чукотке и Камчатке, это Амуро-Сахалинская экспедиция М.Г. Левина, ряд небольших выездов В.В. Бунака для изучения различных этно-территориальных групп, экспедиции, инициированные Академиями наук союзных республик, организованные совместно с сектором антропологии Института этнографии АН СССР. Не говоря уж о последующих годах, когда отечественные антропологи работали в Афганистане, Индии, Финляндии и т.д. Результаты этих экспедиционных исследований нашли отражение в многочисленных публикациях в Трудах Института этнографии (Алексеев 1979:35). Именно региональные сопоставления, считает В.П. Алексеев, позволили выявить и подчеркнуть конкретно-историческую и историко-этнологическую роль антропологических материалов, сложные взаимоотношения между культурными, языковыми и антропологическими характеристиками любого народа и обогатить «картину конкретных этногенезов многими деталями, о которых никто не подозревал раньше» (Алексеев 1987:20).

Почему-то ни Георгий Францевич, ни Валерий Павлович, ни словом не обмолвились, что именно в 40-50-ые годы прошлого столетия, антропологами Института

этнографии были разработаны главные методологические предпосылки использования антропологических данных в качестве исторического источника, в том числе для реконструкции этногенетических процессов (Дебец 1948, Дебец, Левин, Трофимова 1952, Левин, Чебоксаров, 1955). Именно в это время была разработана отечественная парадигма о группировке рас, культур и языков в причинно-независимые общности, имеющие, однако, определенную географическую приуроченность. Эта парадигма, а также представление о специфике антропологических данных, лишенных феномена исторического заимствования, легли в основу использования их в этногенетических исследованиях. Г.Ф. Дебец полагал, что основная задача изучения антропологического состава населения – это не столько собирание разрозненных материалов и решение исторических вопросов, сколько выяснение вопросов собственно антропологических, прежде всего, связанных с изменением признаков во времени, с процессом расогенеза в широком смысле этого слова (Дебец, Лекция 2: 42). С этим высказыванием, в известной мере, был солидарен и В.В. Бунак, который писал, что при изучении формирования этнических групп в определенные отрезки времени фиксация малых расовых вариантов, т.е. собственно антропологическая задача, играет решающую роль в подтверждении или несостоятельности той или иной гипотезы (Бунак 1972:4). При всей разнице характеров, манере изложения взглядов, расхождении в теоретических вопросах, и Г.Ф. Дебеца и В.В. Бунака удручала невозможность развернуть в системе исторических наук и существующей проблематики учреждения, где оба работали, морфологическое изучение современного человека (Герасимова 2020, Васильев, Урысон 2005: 257-258). И если, считал Г.Ф. Дебец, в 50-ых годах еще не видно отрицательных следов этого разделения, и оно не будет ликвидировано, то негативные его последствия проявятся в будущем. С моей точки зрения сейчас мы пожинаем плоды такого разделения, пагубно отразившиеся не только на расоведении и этнической антропологии, но и видовой морфологии современного человека: объём морфологических исследований значительно сократился, ограничившись в настоящее время учением о конституции человека, изучением ротовых процессов и некоторых аспектов адаптации человека.

Впрочем, о достижениях теоретической мысли в отечественной этнической антропологии и расоведении нет никаких упоминаний и в статье Александра Александровича Зубова. Большая статья А.А. Зубова посвящена, я бы сказала, мировому победному шествию физической антропологии к рубежу веков. XX век показал, с точки зрения автора, устойчивость сущности антропологии, как науки, направленной на изучение пространственно-временной изменчивости человечества. Этногенетическим исследованиям в этой статье уделено крайне малое внимание. Автор отмечает только, что как в мировой науке, так и в отечественной, XX век ознаменовался расширением программ исследований по этнической антропологии, что одонтологами московской школы собран материал почти по всем этническим и территориальным группам бывшего СССР, что дерматологическая коллекция народов СССР и методологические разработки отечественной школы по этнической дерматоглифике являются существенным вкладом в мировые дерматологические исследования. С другой стороны, автор отмечает неутешительные современные тенденции в мировой науке изучения физического облика различных популяций, затронувшие и отечественную науку, связанные с определенным давлением со стороны политики и этики на биологические аспекты изучения человека, сокращение расоведческих

программ и исследований по теоретическим аспектам расоведения. А ведь именно расоведение создало реальную базу для гуманного научно обоснованного подхода к проблеме разнообразия человечества и, именно расоведение и этническая антропология поставили на современную научную основу идею биологического равенства и генетического единства человеческих рас, закрывая дорогу в науку идеологам расизма (Зубов 2002:37). Увы! Этому прекрасному утверждению противоречит, как мне кажется, современное состояние и путь, который прошли такие разделы антропологии, как расоведение и этническая история в XX веке. В последней трети XX века классическая антропология переживала определенные трудности. К этому времени многие антропологические направления и школы в мировой науке были уже безвозвратно утрачены, дискредитированные в послевоенное время преступлениями 3-его Рейха. В мировую антропологию пришли генетики и медики, для которых целостность и самоценность антропологии подверглась сомнению, и которые предлагали эту область знания именовать биологией человека. Между тем, биология какого-либо рода или вида, если придерживаться принятой классификации биологических наук, является частной биологией и подразумевает изучение распространения и миграций, экологии, форм поведения, особенно, полового, имеющего значение для размножения и благополучия вида. По отношению к человеку вне изучения остаются проблемы этногенеза и этнической истории, палео- и исторической демографии, приспособительной изменчивости, определяемой биологической и социальной средой, эпохальной изменчивости, т.е. проблемы социальной и духовной жизни человека. Критика антропологической методологии, исходящей из среды генетиков, была направлена, главным образом против учения о расах, поскольку накопление генетических данных по географии частот отдельных генов, например, групп крови и т.д., выявило несоответствие генетических карт их распределения с ареалами рас, выделяемых по морфологии (т.е. антропологическими методами).

В рассматриваемой статье В.В. Бунака наиболее интересной мне представляется анализ различных подходов к изучению групповой и индивидуальной изменчивости в биологии человека – генетического и более раннего, антропологического. Основная претензия критиков антропологического подхода состоит в том, что антропология изучает групповую и индивидуальную изменчивость только фенотипических признаков. Между тем, замечал В.В. Бунак, антропологическое исследование включает в себя как полигенные, составляющие исторически сложившиеся групповые различия, так и несложные генетические признаки. В генетических исследованиях предпочтение отдается альтернативным признакам, в антропологических исследованиях исследуются признаки как с прерывной, так и непрерывной изменчивостью, между которыми отсутствуют границы. Генетики полагают, что близость групп по происхождению, или разделение их на малые и средние расы не могут быть установлены по сходству комплекса признаков, поскольку такое сходство может возникать под воздействием среды, внутригрупповых процессов изменчивости, смешения или обособления, независимо от происхождения, на разных территориях конвергентно или параллельно. Каждому из этих представлений может быть предоставлен контраргумент. В.В. Бунак приводит очень кратко всего несколько. Суммируя, их можно свести к следующему. Первое – понимание расы, как стабильной формации давно оставлено большей частью антропологического сообщества, причем Виктор Валерьянович умалчивает, что этому способствовало сформулированное им и доказан-

ное представление о расе, как исторической категории (Бунак 1938). Второе- не одним поколением антропологов доказан принцип таксономической неравноценности признаков и различие диагностических свойств отдельных признаков на различных отрезках эволюционных преобразований. И наконец, географическое распределение признаков и сравнительная величина ареалов в различные временные отрезки в сочетании с учетом историко-этнических фактов позволяют установить или опровергнуть гипотезу конвергенции или параллельного развития. Пункты расхождения двух школ можно было бы продолжить и привести аргументы в подтверждение каждой из них, оба эти направления, считал В.В. Бунак, сольются и «разовьется единая система антропологических знаний, включающая все разделы учения об эволюции физических особенностей человека» (Бунак 1972:15). Следует, однако, помнить, пишет он, что генетика и все другие разделы антропологии могут разрешать стоящие перед ними задачи лишь на основе общего учения о полиморфизме, т.е. морфологии. «Формирование признаков в онтогенезе, морфологические градиенты, разнообразные коррелятивные связи, реакции на механические и другие воздействия, половые и возрастные особенности – таково содержание внутривидовой морфологии человека... Составляя центральное звено учения об эволюции и изменчивости человека, морфология соединяет все разделы антропологии в одну особую и целостную отрасль науки» (Бунак 1972:20). И тридцать лет спустя А.А. Зубов солидаризируясь с В.В. Бунаком, отмечает две главных «сущностных» черты антропологии: она всегда была наукой о нормальной вариабельности физического типа древнего и современного человечества (в широком смысле, включая генетические, физиологические, биохимические характеристики) в пространственно-временной динамике, и главное- она всегда играла и играет опосредствующую роль между чисто биологическими и историческими дисциплинами. И эти две ее сущности определяют ее неповторимость и сферу ее компетентности и непреходящей ценности (Зубов 2002:37).

На этой оптимистической ноте хотелось бы закончить разбор приведенных интереснейших документов... Но, вопреки оптимистическим надеждам В.В. Бунака, утверждениям А.А. Зубова о победном шествии антропологии в XX веке, сегодняшнее состояние антропологической науки и, главным образом, этнической антропологии, вызывает лично у меня печальные мысли. И дело не в том, что пока не произошло так ожидаемого слияния двух направлений в изучении человека. Хотя «... представители обеих специальностей констатировали совместимость результатов генетического и морфологического анализа современных человеческих популяций, причем генетики пришли к выводу, что данные антропологии (как морфологической науки) адекватно отражают структуру популяционного генофонда» (Зубов 2002:32, подробнее об этом см.: *Балановская* 2002). К сожалению, не смотря на аргументированный вывод о том, что накопленные генетикой факты и выявленные закономерности указывают, что путь сотрудничества этнической антропологии и генетики является чрезвычайно плодотворным научным путем, до сих пор любое упоминание термина «раса» и такой области научного знания, как расоведение, уводит нас в область идеологии и мировоззренческих установок, казалось бы давно забытых, но вдруг вспыхнувших с новой силой в новом тысячелетии. В наше время в силу конъюнктурных соображений теоретическими проблемами расоведения и, как частью его-этнической антропологии – практически, за редким исключением, никто не занимается. А зря! Отечественная наука отличается уникальной, наработанной не од-

ним поколением специалистов методикой описания внешнего облика современных популяций, носителями которой в настоящее время является всего несколько человек. Этническая антропология – это не только использование антропологических данных в этногенетических реконструкциях при изучении локальных этногенезов. Это изучение всего многообразия взаимосвязей биологических совокупностей – человеческих популяций – и социально-культурных, культурно-языковых, историко-культурных общностей (народов, этносов, национальностей) (Дубова 2011:275, 314). Мы живем в век постмодернизма и интернета, информационной массовой культуры, для которой характерны нестрогое мышление, отрицание достоверности и объективности. К тому же, миграционные процессы, которое мы сегодня наблюдаем в Европе и в России, вновь ставит человечество перед проблемами, связанными с расизмом и национализмом, вызванными фундаментальными древними установками группового поведения и распознавания «свой-чужой», с одной стороны, и особенностями формирования образов в постнатальном онтогенезе. Для решения проблем бытового расизма и национализма нужна планомерная длительная практическая работа, при теоретической доминанте антропологов и этнологов. Однако последними ответами на существующую ситуацию с проблемой «расы и расизм», проблемы, казалось бы, оставшейся в прошлом тысячелетии, являются две упоминаемые выше брошюры первого десятилетия прошедшего века.

Научная литература

- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М.: Наука, 1969. 323 с.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 318 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.
- Алексеев В.П. Антропология СССР: некоторые итоги и перспективы исследований // Советская этнография, 1987. №5. С.17-31.
- Алексеев В.П. Общение// Этнографическое обозрение, 1993, №3. С.123-131.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.
- Балановская Е.В. Генетические аспекты концепции «раса»// Проблема расы в российской физической антропологии /ред. Т.И. Алексеева, Л.Т. Яблонский. М. ИЭА РАН, 2002. С.46-58.
- Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Института антропологии МГУ. Вып. 4. М., 1938. С.5-46.
- Бунак В.В. О перспективах развития антропологии как особой науки// Симпозиум «Антропология 70-ых годов». М.: МГУ. 1972. С.3-21.
- Васильев С.В., Урысон М.И. Виктор Валерьянович Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века/ Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин – М.: Наука, 2004. С.233-260.
- Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: ИЭА РАН, 2006. 291 с.
- Герасимова М.М. О стенограмме лекционного курса Г.Ф. Дебеца на кафедре антропологии МГУ в 1954 г.// Известия Иркутского Гос. Университета. Серия Геохронология, Этнология, Антропология. 2020. Т.31. С.41-54.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР// Труды Института этнографии, нов. сер. Т.4 М.;Л. 1948.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г. Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография, 1952. № 1. С.22-35.
- Дубова Н.А. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебец // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука. 2004. 716 с.
- Дубова Н.А. Антропологические и этно-экологические исследования на рубеже тысяче-

- тий // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. У 70-летию академика Валерия Александровича Тишкова. М.:Наука. 2011. С.294-314.
- Гаджиев М. С, Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М.: ИЭА РАН.2006. 291 с.
- Зубов А.А. Физическая антропология на рубеже XX-XXI вв.// Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С.25-37.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: ИЭА РАН.2004. 551 с.
- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. 2-ое изд. испр. и доп. М.: ИТРК. 2019.464 с.
- Критика расизма в современной России и научный взгляд на проблему этнокультурного многообразия // М.: Московское бюро по правам человека, Academia. 2008. 120 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы)//Советская этнография. 1955. №4 С. 3–17.
- Алексеева Т.И., Яблонский Л.Т. (под ред.). Проблема расы в российской физической антропологии. Коллектив авторов. М., ИЭА РАН. 2002. 96 с.

References

- Alekseev, V.P. 1969. *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoj Evropy* [The origin of the peoples of Eastern Europe]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (kраниologicheskoe issledovanie)* [The Origin of the Peoples of the Caucasus (A Craniological Research)]. Moscow: Nauka.
- Alekseev, V.P. 1975. *Antropogeocenozy – sushchnost', tipologiya, dinamika* [Anthropogeoceneses – Essence, Typology, Dynamics]. *Priroda* 7: 18-23.
- Alekseev, V.P. 1979. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Alekseev, V.P. 1987. *Antropologiya SSSR: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniy* [Anthropology of the USSR: Some Results and Research Prospects]. *Sovetskaya etnografiya* 5: 17-31.
- Alekseev, V.P. 1993. *Obshchenie* [Communication]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 123-131.
- Alekseev, V.P., Gohman I.I. 1984. *Antropologiya aziatskoj chasti SSSR* [The Anthropology of the Asian Part of the USSR]. Moscow: Nauka.
- Balanovskaya, E.V. 2002. *Geneticheskie aspekty koncepcii «rasa»* [Genetic aspects of the concept of “race”]. In *Problema rasy v Rossijskoj fizicheskoj antropologii* [The Problem of Race in Russian Physical Anthropology], edited by T.I. Alekseeva, L.T. Yablonskij. Moscow: IEA RAN.
- Bunak, V.V. 1938. *Rasa kak istoricheskoe ponyatie* [Race as a Historical Concept]. In *Nauka o rasah i rasizm* [Race Science and Racism]. Moscow: Trudy Instituta antropologii MGU 4: 5-46.
- Bunak, V.V. 1972. *O perspektivah razvitiya antropologii kak osoboj nauki* [About the Perspectives of the Development of Anthropology as a Special Science]. In *Simpozium «Antropologiya 70-yh godov»* [Symposium “Anthropology of the 70s”]. Moscow: MGU: 3-21.
- Debets, G.F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy Instituta etnografii, nov. ser.* [The Works of the Institute of Ethnography, the New Series]. T.4 Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk soyuza SSR.
- Debets, G.F., M.G. Levin, and T.A. Trofimova. 1952. *Antropologicheskij material kak istochnik izucheniya voprosov etnogeneza* [Anthropological material as a source of study of ethnogenesis issues]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 22-35.
- Dubova, N.A. 2005 «*Neizgladimyj sled v nashih umah i serdcah*»: Georgij Frantsevich Debets [An indelible trace in our minds and hearts “: Georgy Frantsevich Debets]. In *Vydayushchiesya otechestvennye etnografy i antropologi XX veka* [Notable Russian ethnographers and anthropologists of the 20th century]. Moscow: Nauka.
- Dubova, N.A. 2011. *Antropologicheskie i etno-ekologicheskie issledovaniya na rubezhe tysyachetij* [Anthropological and ethno-ecological studies at the turn of the millenniums]. In *Fenomen*

- identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii. K 70-letiyu akademika Valeriya Aleksandrovicha Tishkova [The phenomenon of identity in modern humanitarian knowledge. On the occasion of the 70th birthday of Academician Valery Alexandrovich Tishkov]. Moscow: Nauka.
- Gadzhiev, M. S., V.A. Kuznecov, and I.M. Chechenov. 2006. Istoriya v zerkale paranauki: Kritika sovremennoj etnocentristskoj istoriografii Severnogo Kavkaza [History in the Mirror of Parascience: A Critique of Contemporary Ethnocentric Historiography of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
- Gadzhiev, M.S., V.A. Kuznecov., and I.M. Chechenov. 2006. Istoriya v zerkale paranauki: Kritika sovremennoj etnocentristskoj istoriografii Severnogo Kavkaza [The History in the Mirror of Parascience: A Critique of Contemporary Ethnocentric Historiography of the North Caucasus]. Moscow: IEA RAN.
- Gerasimova, M.M. 2020. O stenogramme lekcionnogo kursa G.F. Debeca na kafedre antropologii MGU v 1954 g. [About the transcript of the lecture course by G.F. Debets at the Department of Anthropology of Moscow State University in 1954]. *Izvestiya Irkutskogo Gos. Universiteta. Seriya Geokhronologiya, Etnologiya, Antropologiya*. T.31. Irkutsk: 41-54.
- Kritika rasizma v sovremennoj Rossii i nauchnyj vzglyad na problemu etnokul'turnogo mnogobraziya [Criticism of racism in modern Russia and a scientific view of the problem of ethnocultural diversity]. 2008. Moscow: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka, Academia.
- Levin, M.G., and N.N. Chebokarov. 1955. Khozyajstvenno-kul'turnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke problemy) [Economic and cultural types and historical-ethnographic areas (to the formulation of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya* 4: 3-17.
- Problema rasy v rossijskoj fizicheskoy antropologii [The problem of race in Russian physical anthropology]. Edited by T.I. Alekseeva, L.T. Yablonskij. Kollektiv avtorov. Moscow: IEA RAN.
- Vasil'ev, S.V., and M.I. Uryson 2004. Viktor Valer'yanovich Bunak: patriarh otechestvennoj antropologii [Victor Valerianovich Bunak: The Patriarch of Russian Anthropology]. In *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Notable Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], Ed. D.D. Tumarkin. Edited by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka.
- Zubov, A.A. 2002. Fizicheskaya antropologiya na rubezhe XX-XXI. [Physical anthropology at the turn of the XX-XXI centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 25-37.
- Zubov, A.A. 2004. Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka [Paleoanthropological genealogy of man]. Moscow: IEA RAN.
- Zubov, A.A. 2019. Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka. 2-oe izd. ispr. i dop. [Paleoanthropological genealogy of man. 2-nd edition revised and enlarged]. Moscow: ITRK.